

Адам Гордон

**Поэзия
Австралии**

Адам Гордон
Поэзия Австралии

«Автор»

2025

Гордон А. Л.

Поэзия Австралии / А. Л. Гордон — «Автор», 2025

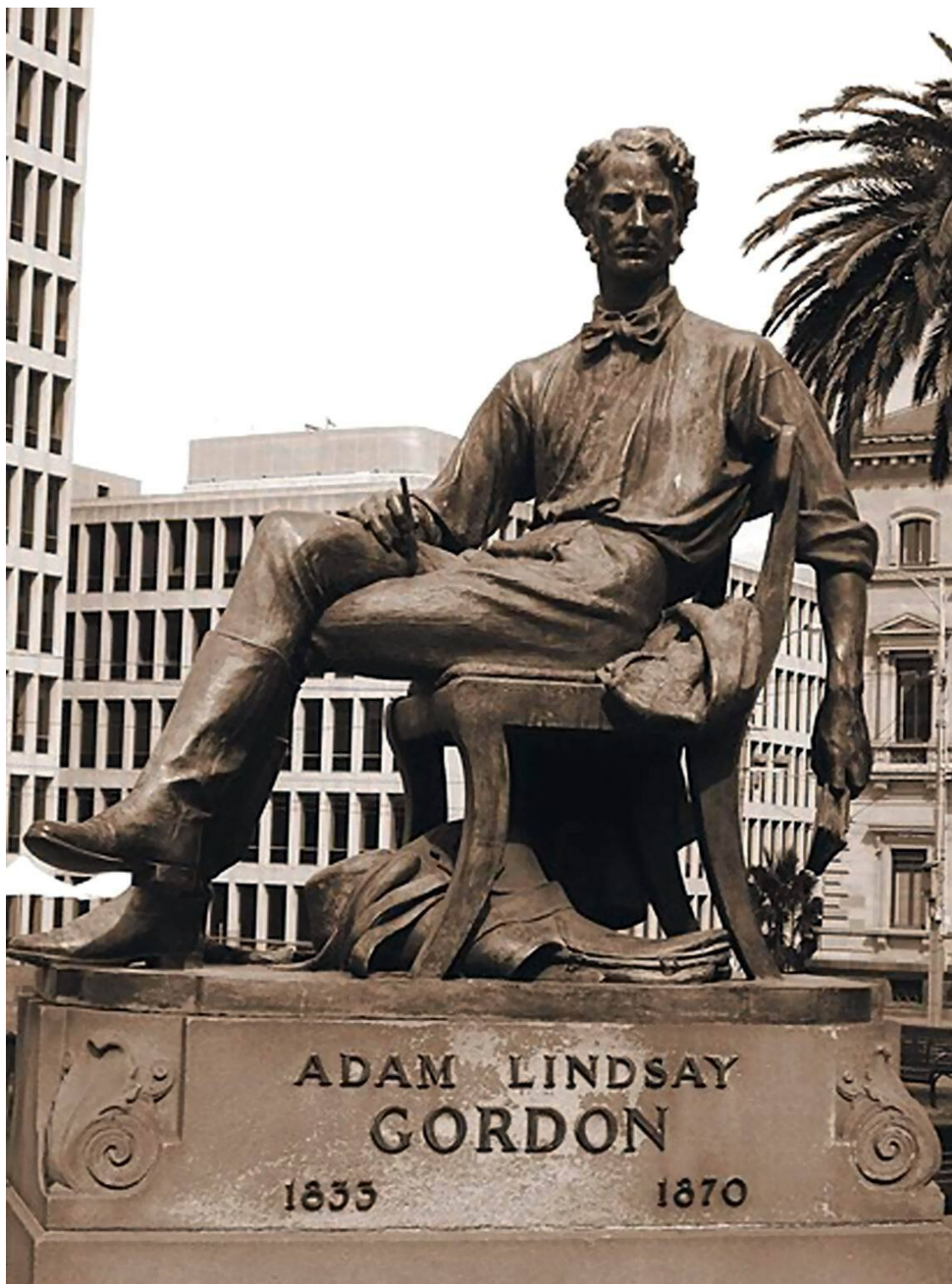
В книгу включены произведения величайшего поэта Австралии Адама Линдсея Гордона (1833-1870). На русский язык произведения австралийских поэтов ранее не переводились. Настоящий перевод осуществлен замечательным русским поэтом и переводчиком Станиславом Викторовичем Хромовым.

© Гордон А. Л., 2025

© Автор, 2025

Адам Гордон Поэзия Австралии

Поэзия Австралии
(Адам Линдсей Гордон)

В книгу включены произведения величайшего поэта Австралии Адама Линдсея Гордона (1833-1870). На русский язык произведения австралийских поэтов ранее не переводились. Настоящий перевод осуществлен замечательным русским поэтом и переводчиком Станиславом Викторовичем Хромовым.

Корзина цветов

(от Рассвета до Заката)

Рассвет

Под звёздным покоем прекрасным
Раскинуты белые сети,
И серость сливается с красным,
И красное золотом светит.
И Солнце с открытым забралом
Возносится в зареве алом,
Как пара влюбленная рядом
Сливаются пылкости эти.

Ещё не поникли в саду
Газон и лужайка с росой,
Хотя в этом жарком году
Подвержены пастбища зною.
В жару облетят медоносы,
Но пусть для тебя только с розы
Покроют жемчужные росы
С зарей лепестки красотою.

А помнит ли этот газон
Касания ног вездесущих,
Где в углях осенних и он
Стал бурым от засухи в куцах,
Когда на последней из роз
Смыкались ресницы без слёз
В затишье до будущих гроз,
В преддверии штормов грядущих?

В любовных мелодиях есть
Напев Частеларда как будто,
Тоска Абеяра и весь
Оркестр сердечного зуда!
Сапфо репетирует вновь
Восторг и кипящую кровь,
И в лирике пылкой любовь
Свою воскрешает оттуда.

И я! – Я испытывал это
И слышал такое давно,

Но в жизни и слова не спето -
О вечном писать не дано,
Увы, не под пальцем моим
Влюбленных рождается гимн,
Любовных литаний интим,
Рапсодии древней вино.

Вот свежих корзина цветов -
Тебе подношение это -
Хотя мой подарок не нов,
И ты не просила поэта,
В засушливый месяц, как знать,
Усохнет не каждого стать
И сможет красою воздать
За свежую влагу рассвета.

Гирлянды стихов собираю,
Поспешно рифмуя, но строки
Стараюсь привязывать с краю
Всегда аккуратно в итоге.
Тенистый деревьев навес
Короче к полудню, и лес,
Напомнив о зное с небес,
Велит торопиться в дороге.

Пустые, но легкие зная
Слова, я записывал строчки
Ущербные, Мэри родная!
Прости меня – и доброй ночи!
Цветы окружают тебя,
Я лишь вспоминаю тебя,
Тот край, где я встретил тебя,
Не видят печальные очи.

Для прошлой любви, для часов
Похожих на струю сказку,
Прими же «Корзину Цветов»
И рифм незатейливых связку,
Завянут они – пока свежи,
Их ручки твои будут нежить,
Когда тяжело, по-медвежьи
Верлибры получают огласку.

В восточные земли от полдня
Тропинка тоскливою стала,
Скорей отправляюсь сегодня,
Но все ж оглянусь для начала, -
И я оглянулся – как тщетно,
Но ясно увидел всё это,

И руки с поводьями где-то
Несмело повисли и вяло.

Дыхание теплого ветра,
От пыли глаза защищай,
Минувшее выдохну щедро,
А вздох подавлю невзначай.
Предгорья в зелёной одежде,
Паломника видом утешьте -
Я в сон окунулся, как прежде,-
Тебе доброй ночи! – Прощай!

Сумерки

Пусть роза закончит рассказ!
Сухой шелухой у ворот
Известность, поникнув сейчас,
Испортила мускусный сорт.
Приблизит конечности ночь,
И тусклому солнцу невмочь -
В багрянце закатится прочь,
И в сумрак багровым сойдет.

A Basket of Flowers

(from Dawn to Dusk)

Dawn

On skies still and starlit
White lustres take hold,
And grey flushes scarlet,
And red flashes gold.
And sun-glories cover
The rose shed above her,
Like lover and lover
They flame and unfold.

Still bloom in the garden
Green grass-plot, fresh lawn,
Though pasture lands harden
And drought fissures yawn.
While leaves not a few fall,
Let rose leaves for you fall,
Leaves pearl-strung with dew-fall,
And gold shot with dawn.

Does the grass-plot remember
The fall of your feet
In autumn's red ember,

When drought leagues with heat,
When the last of the roses
Despairingly closes
In the lull that reposes
Ere storm winds wax fleet?

Love's melodies languish
In "Chastelard's" strain,
And "Abelard's" anguish
Is love's pleasant pain!
And "Sappho" rehearses
Love's blessings and curses
In passionate verses
Again and again.

And I!—I have heard of
All these long ago,
Yet never one word of
Their song-lore I know;
Not under my finger
In songs of the singer
Love's litanies linger,
Love's rhapsodies flow.

Fresh flowers in a basket—
An offering to you—
Though you did not ask it,
Unbidden I strew;
With heat and drought striving,
Some blossoms still living
May render thanksgiving
For dawn and for dew.

The garlands I gather,
The rhymes I string fast,
Are hurriedly rather
Than heedlessly cast.
Yon tree's shady awning
Is short'ning, and warning
Far spent is the morning,
And I must ride fast.

Songs empty, yet airy,
I've striven to write,
For failure, dear Mary!
Forgive me—Good-night!
Songs and flowers may beset you,
I can only regret you,
While the soil where I met you

Recedes from my sight.

For the sake of past hours,
For the love of old times,
Take "A Basket of Flowers",
And a bundle of rhymes;
Though all the bloom perish
E'en YOUR hand can cherish,
While churlish and bearish
The verse-jingle chimes.

And Eastward by Nor'ward
Looms sadly MY track,
And I must ride forward,
And still I look back,—
Look back—ah, how vainly!
For while I see plainly,
My hands on the reins lie
Uncertain and slack.

The warm wind breathes strong breath,
The dust dims mine eye,
And I draw one long breath,
And stifle one sigh.
Green slopes, softly shaded,
Have flitted and faded—
My dreams flit as they did—
Good-night!—and—Good-bye!

Dusk

Lost rose! end my story!
Dead core and dry husk—
Departed thy glory
And tainted thy musk.
Night spreads her dark limbs on
The face of the dim sun,
So flame fades to crimson
And crimson to dusk.

Фрагмент

Говорят, у цветов ядовитых
Ароматы душистей,
Чем в бутонах, покуда отравы
Не коснулась их радостных жизней.

Говорят, осужденные к смерти
Пили сладкие вина

С наслаждением большим, чем соки
От лозы, что чиста и невинна.

Говорят, будто в ведьминой песне,
Хоть резка она и грубовата,
Тайный, дикий присутствует смысл
Самой странной мелодии ада.

И я верю, что дьявольский голос
Проникает всегда в наши уши
Задушевней, чем шопот небесный,
Как бы ни был милей он и лучше.

A Fragment

They say that poison-sprinkled flowers
Are sweeter in perfume
Than when, untouched by deadly dew,
They glowed in early bloom.

They say that men condemned to die
Have quaffed the sweetened wine
With higher relish than the juice
Of the untampered vine.

They say that in the witch's song,
Though rude and harsh it be,
There blends a wild, mysterious strain
Of weirdest melody.

And I believe the devil's voice
Sinks deeper in our ear
Than any whisper sent from Heaven,
However sweet and clear.

Охотничья песня

Выпьем мы за здоровье спортсмена, будь конюхом он или лордом,
Если истина в сердце, то мне все равно, из какого сословия он родом,
Пусть любым видом спорта всегда занимается в жизни как надо,
Если знает он меру спиртному, себя оградит от распада.

И его не волнует случайный прилив судьбоносного шанса,
Кто, как Оливер ездит верхом, и как Бендигго может сражаться.
Он смеется речам осторожным, не видит враждебные лица,
Когда прыгает через барьер или в честном бою разозлится.

Пусть скучный мир ледяной пусть винит нас, ребята!
Нет нам до этого дела, если улыбка с коралловых губ прилетела,

Ведь желанные ласки возлюбленных нам возмещают верней
Беспокойство, усталость тревожных и сумрачных дней.

Выпьем с вами, наполнив бокалы, с душою и сердцем – за нашу
Жизнь азартную, лисью охоту, единые чувства и чашу,
За отважное сердце, что нас проведет по невзгодам и бедам,
Когда есть два десятка друзей и Фортуна в застолье победном.

A Hunting Song

Here's a health to every sportsman, be he stableman or lord,
If his heart be true, I care not what his pocket may afford;
And may he ever pleasantly each gallant sport pursue,
If he takes his liquor fairly, and his fences fairly, too.

He cares not for the bubbles of Fortune's fickle tide,
Who like Bendigo can battle, and like Olliver can ride.
He laughs at those who caution, at those who chide he'll frown,
As he clears a five-foot paling, or he knocks a peeler down.

The dull, cold world may blame us, boys! but what care we the while,
If coral lips will cheer us, and bright eyes on us smile?
For beauty's fond caresses can most tenderly repay
The weariness and trouble of many an anxious day.

Then fill your glass, and drain it, too, with all your heart and soul,
To the best of sports—The Fox-hunt, The Fair Ones, and The Bowl,
To a stout heart in adversity through every ill to steer,
And when Fortune smiles a score of friends like those around us here.

Песня осени

«Плыть нам куда за гирляндами радости
Прежней – на самом закате в предзимье,
Раз берега пожелтели от старости,
Ветви сгорают иссохшие с ними?
Где наше прежнее чувство,
Если не видится новое рядом?
Где мы гирлянды найдём, если пусто
На пепелище осеннем, закатном?»

«Детка! Ну что я скажу про гирлянды,
Знаю ли путь улетающих листьев?
Дикие ветры срывают наряды,
Кроны умершего леса возвысив?
Милая девочка! Ранней весной
Их соберешь в разноцветье богатом,
Но с листопадом не следуй за мною
На пепелище осеннем, закатном».

A Song of Autumn

‘WHERE shall we go for our garlands glad
At the falling of the year,
When the burnt-up banks are yellow and sad,
When the boughs are yellow and sere?
Where are the old ones that once we had,
And when are the new ones near?
What shall we do for our garlands glad
At the falling of the year?’

‘Child! can I tell where the garlands go?
Can I say where the lost leaves veer
On the brown-burnt banks, when the wild winds blow,
When they drift through the dead-wood drear?
Girl! when the garlands of next year glow,
You may gather again, my dear—
But I go where the last year’s lost leaves go
At the falling of the year.’

Прощание изгнанника

Вокруг еще колышется волна
Размеренно и долго в океане,
В штормы холстина паруса полна,
Привычно кораблю его скитание.
В Атлантике открытой снова пена
Расходится от носа по бортам,
Покинув дом, я вел себя степенно,
И не пролил слезы ни здесь, ни там.

К фальшборту на корме сейчас
Я прислоняюсь, и смотрю, как солнце
За горизонт склоняется от нас -
Назад в регате этой не вернется.
И волны не погасят его свет,
Хотя внизу смыкаются как будто,
Назавтра возродится яркий след,
Оно взойдет, как в нынешнее утро.

Как ярко освещает этот шар
Прохладное нетронутое ложе!
Играют волны вольные в разгар
Полудня, и дельфины тоже!
Мне кажется, что воды говорят,
Тревожные, нашептывают снова
О том, что много тысяч миль подряд
Я прочь плыву от берега родного!

Скажи мне, Океан, мой дом теперь таков,
Что все в нем ново для меня и странно?
Тропическое небо – пламенный альков,
Простор морской в чертогах океана?
И неизменные явления природы
Знакомый открывают всюду вид?
Неужто расстояние за годы
Уж ничего во мне не обновит?

Блестящая рука воспоминаний
Мне сцену шлет из памяти одну!
Высоких тополей вдали от зданий
Шеренга над калиткою в саду,
Я вижу клетку птичью у окошка,
Там, где сидит сейчас моя сестра,
Цветы на подоконнике и кошка,
Ушедшая идиллия стара?

Но пусть тоскует женская натура,
А я вздыхаю редко и тайком,
Пока эмоции ещё выходят бурно,
А после не печалюсь ни о ком,
Когда с кормы дыхание свирели
Ушло клубами к тёмным небесам,
И волны под ногами заблестели -
В однообразии сливаюсь с ними сам!

На небесах багровый отблеск с краю,
Последний луч сбегает под уклон,
Соленых капель несколько стираю
Со щёк своих, всего лишь брызги волн!
Пусть бороздит просторы наше судно,
И режет волны бешеные киль,
Я слёз не проливал, прощаясь трудно,
И не пролью теперь, за столько миль!

An Exile's Farewell

The ocean heaves around us still
With long and measured swell,
The autumn gales our canvas fill,
Our ship rides smooth and well.
The broad Atlantic's bed of foam
Still breaks against our prow;
I shed no tears at quitting home,
Nor will I shed them now!

Against the bulwarks on the poop

I lean, and watch the sun
Behind the red horizon stoop—
His race is nearly run.
Those waves will never quench his light,
O'er which they seem to close,
To-morrow he will rise as bright
As he this morning rose.

How brightly gleams the orb of day
Across the trackless sea!
How lightly dance the waves that play
Like dolphins in our lee!
The restless waters seem to say,
In smothered tones to me,
How many thousand miles away
My native land must be!

Speak, Ocean! is my Home the same
Now all is new to me?—
The tropic sky's resplendent flame,
The vast expanse of sea?
Does all around her, yet unchanged,
The well-known aspect wear?
Oh! can the leagues that I have ranged
Have made no difference there?

How vivid Recollection's hand
Recalls the scene once more!
I see the same tall poplars stand
Beside the garden door;
I see the bird-cage hanging still;
And where my sister set
The flowers in the window-sill—
Can they be living yet?

Let woman's nature cherish grief,
I rarely heave a sigh
Before emotion takes relief
In listless apathy;
While from my pipe the vapours curl
Towards the evening sky,
And 'neath my feet the billows whirl
In dull monotony!

The sky still wears the crimson streak
Of Sol's departing ray,
Some briny drops are on my cheek,
'Tis but the salt sea spray!
Then let our barque the ocean roam,

Our keel the billows plough;
I shed no tears at quitting home,
Nor will I shed them now!

Искусство вечно
(Стихотворение из странствия)

Надежды наши – дикий бред,
Дворцов воздушных залы,
Но на земле их выше нет,
А мы для них вассалы,
И юный радостный полет -
Для многих ложный тезис,
Лишь возраст правду признает,
«Ars longa, vita brevis».

Мы забрались на холм времён
Поспешно светлым утром,
Любой из нас предупрежден
В пути обратном мудром,
Косая тень измождена -
Кто покорил Бен-Невис,
Из мухи вылепил слона,
«Ars longa, vita brevis».

Преграда на дороге вниз
Не даст вперед умчаться,
А в юности один девиз:
«Лишь воля путь для счастья»,
Горячая у юных кровь
Кипит, словам доверяюсь,
Но сердцу ты не прекословь,
«Ars longa, vita brevis».

«Жизнь коротка, искусство вечно» -
Не сразу знает человек,
И все же с возрастом, конечно,
В печали проводя свой век,
Он, наконец, признает горько,
С тоскою в будущее целясь, -
Верна и вечна поговорка,
«Ars longa, vita brevis».

Из юности шагаем в годы
Толпой – старик, матрона, дева,
Идем, как странники в походы,
Носильщик, раб и королева,
И каждый сильный странник к этой
Толпе примкнувший, прежний скепсис

Оставив, хочет спеть над Летою:
«Ars longa, vita brevis».

Утрами с посохом в сандалиях
Мы путешествуем, как ветер,
Но кто-то до полудня в даях
Уже устал, – как все под вечер,
Без отдыха шагая в полдень,
А на закате в травах греясь,
Где звон цикад возвышен очень,
«Ars longa, vita brevis».

Истерся посох и сандалии,
Желчь волдырей окаменела,
Мы не поможем братьям, в дали
И к сестрам помощь не поспела,
Готовит яма злые сети,
Разрыв скалы, едва виднеясь,
Грозит бедой – кошмар на свете,
«Ars longa, vita brevis».

Ох, Мудрость, что познали вряд ли!
Ох, Сила, верили которой!
Ох, Слава – с гордостью приняли!
Ох, всей марионеточною сворой!
В земле бесплодной семя лишь песок,
Порвется слабо сотканный генезис,
Надломленный тростник пронзит висок,
«Ars longa, vita brevis».

Мы, «Иовы достойные» встречали
Идущих следом робкими шагами,
Себе бы помогли они вначале,
Чем нас судить, наследуя за нами,
Но, наконец, проторен жизни путь,
И Бог готов отсрочить новый тезис,
Его умершие вернут когда-нибудь,
«Mors gratum, vita brevis».

Ars Longa

[A Song of Pilgrimage]

Our hopes are wild imaginings,
Our schemes are airy castles,
Yet these, on earth, are lords and kings,
And we their slaves and vassals;
Your dream, forsooth, of buoyant youth,
Most ready to deceive is;
But age will own the bitter truth,

"Ars longa, vita brevis."

The hill of life with eager feet
We climbed in merry morning,
But on the downward track we meet
The shades of twilight warning;
The shadows gaunt they fall aslant,
And those who scaled Ben Nevis,
Against the mole-hills toil and pant,
"Ars longa, vita brevis."

The obstacles that barr'd our path
We seldom quail'd to dash on
In youth, for youth one motto hath,
"The will, the way must fashion."
Those words, I wot, blood thick and hot,
Too ready to believe is,
But thin and cold our blood hath got,
"Ars longa, vita brevis."

And "art is long", and "life is short",
And man is slow at learning;
And yet by divers dealings taught,
For divers follies yearning,
He owns at last, with grief downcast
(For man disposed to grieve is)—
One adage old stands true and fast,
"Ars longa, vita brevis."

We journey, manhood, youth, and age,
The matron, and the maiden,
Like pilgrims on a pilgrimage,
Loins girded, heavy laden:—
Each pilgrim strong, who joins our throng,
Most eager to achieve is,
Foredoom'd ere long to swell the song,
"Ars longa, vita brevis."

At morn, with staff and sandal-shoon,
We travel brisk and cheery,
But some have laid them down ere noon,
And all at eve are weary;
The noontide glows with no repose,
And bitter chill the eve is,
The grasshopper a burden grows,
"Ars longa, vita brevis."

The staff is snapp'd, the sandal fray'd,
The flint-stone galls and blisters,

Our brother's steps we cannot aid,
Ah me! nor aid our sister's:
The pit prepares its hidden snares,
The rock prepared to cleave is,
We cry, in falling unawares,
"Ars longa, vita brevis."

Oh! Wisdom, which we sought to win!
Oh! Strength, in which we trusted!
Oh! Glory, which we gloried in!
Oh! puppets we adjusted!
On barren land our seed is sand,
And torn the web we weave is,
The bruised reed hath pierced the hand,
"Ars longa, vita brevis."

We, too, "Job's comforters" have met,
With steps, like ours, unsteady,
They could not help themselves, and yet
To judge us they were ready;
Life's path is trod at last, and God
More ready to reprieve is,
They know who rest beneath the sod,
"Mors gratum, vita brevis."

Беллона

Ты в мраморе древнем бесстрастно восстала
Свирепой богиней раздора, триумфа на тризне,
Стоишь и с массивного смотришь на нас пьедестала,
Эмблема борьбы или знак символический жизни.
Искусство спокойное, ложное в камне осталось,
Безветрие мнимое тихо уйдет стороною,
Стихия твоя – это битва и гневная ярость,
Что бьется в груди человека надеждой иною,
Когда одержима поддержкой твоей и войною.

Архангела падшего лоб может в мраморе жить,
И губы прекрасного демона тонкие сжаты,
А локоны вьются, как змеи, чтоб вмиг задушить,
В глазах неподдельные страсти пророчат утраты,
Открыты черты, слишком гордые, чтобы скрывать,
И слишком холодные, слишком спокойные, чтобы
Разумных созданий из глины привычная рать
Тотчас преисполнилась праведной злобы -
Не ведает смертный намерений этой особы.

Дыханием будит ряды группировок и партий,
Толпа поднимается, – взоры богини не склонны

Мятеж удержать, агрессивному больше симпатий,
И даже Астарта бледнеет под знаком Беллоны.
Поскольку кровавый багрянец богаче и глубже
Всегда позади соберется, разбрызгав по ходу
Свой свет на руках и одежде, и красные лужи,
След этот багровый окрасит земную породу,
И гневного прессинга масса стекает к народу.

За дымкой видны блики красных ручьев позади,
И падают люди от взмахов воинственных рук,
Как в жатву снопы под серпами, и с раной в груди,
Как травы ложатся под взмахом косы в полукруг,
Жестокая, сильная, стройная девы рука
Копье поднимает без жалости острое смело,
Насилие, гибель, руины придут на века,
И Фурий толпа к обреченным стенам прилетела,
Очнулся Арес от экстаза кровавого дела.

И мы пробуждаемся, слабые духом и телом,
С сердцами жестокими, к риску опасному тоже
Идем за тобой, а святой в одеянии белом
Страдает смиренно, но это на нас не похоже.
Дала своей силы частицу еще с колыбели
Тем смертным, которые будут стараться напрасно
Прожить без тебя. Мы боролись, страдали, скорбели,
Пока не восприняли боль безрассудно и страстно,
Хоть немощны сердцем и разумом часто.

Дух светлый бывает заманчивым, если он зол,
Сомнительный знак божества из реального ада,
Настигнуты чувства, в обманутых душах раскол
Любых идеалов – пустых для простого солдата,
Который в бою упадет в снаряжении ратном,
Ослабшей рукой свой последний удар нанося,
Твой гнев и презренье во взоре его невозвратном
Останутся... Ох! А душа, изможденная вся,
Найдет ли страну, где приказы исполнить нельзя?

Когда станет красной от крови равнина и склон,
Последнее поле сражения, самое страшное в мире,
Уже на закате украшенный золотом Армагеддон
В батальном, теперь угасающем ориентире -
Когда дым клубится от сильных пожаров повсюду,
Поля накрывая, как крыльями черная птица,
Где люди людей превратили в недвижимую груды,
Король с королем захотел за пустое сцепиться,
И в мире наступит конец, и забудутся лица -

Тогда терпеливым, кто здесь не противился каждой

Обиде и боли, все тяготы выдержал свято,
За пыл твоего ненасытного мщенья с жаждой -
Им будет ли после за это почет и награда?
А к тем, соблазненным твоими триумфами битвы
И лаврами, призванным к бою и проклятым людям,
Узнавшим в борьбе поражений и распрей мотивы,
Придет ли покой и прощение, или осудим?
Не знаю – надеяться все же на лучшее будем.

Bellona

Thou art moulded in marble impassive,
False goddess, fair statue of strife,
Yet standest on pedestal massive,
A symbol and token of life.
Thou art still, not with stillness of languor,
And calm, not with calm boding rest;
For thine is all wrath and all anger
That throbs far and near in the breast
Of man, by thy presence possess'd.

With the brow of a fallen archangel,
The lips of a beautiful fiend,
And locks that are snake-like to strangle,
And eyes from whose depths may be glean'd
The presence of passions, that tremble
Unbidden, yet shine as they may
Through features too proud to dissemble,
Too cold and too calm to betray
Their secrets to creatures of clay.

Thy breath stirreth faction and party,
Men rise, and no voice can avail
To stay them—rose-tinted Astarte
Herself at thy presence turns pale.
For deeper and richer the crimson
That gathers behind thee throws forth
A halo thy raiment and limbs on,
And leaves a red track in the path
That flows from thy wine-press of wrath.

For behind thee red rivulets trickle,
Men fall by thy hands swift and lithe,
As corn falleth down to the sickle,
As grass falleth down to the scythe,
Thine arm, strong and cruel, and shapely,
Lifts high the sharp, pitiless lance,
And rapine and ruin and rape lie
Around thee. The Furies advance,

And Ares awakes from his trance.

We, too, with our bodies thus weakly,
With hearts hard and dangerous, thus
We owe thee—the saints suffered meekly
Their wrongs—it is not so with us.
Some share of thy strength thou hast given
To mortals refusing in vain
Thine aid. We have suffered and striven
Till we have grown reckless of pain,
Though feeble of heart and of brain.

Fair spirit, alluring if wicked,
False deity, terribly real,
Our senses are trapp'd, our souls tricked
By thee and thy hollow ideal.
The soldier who falls in his harness,
And strikes his last stroke with slack hand,
On his dead face thy wrath and thy scorn is
Imprinted. Oh! seeks he a land
Where he shall escape thy command?

When the blood of thy victims lies red on
That stricken field, fiercest and last,
In the sunset that gilds Armageddon
With battle-drift still overcast—
When the smoke of thy hot conflagrations
O'ershadows the earth as with wings,
Where nations have fought against nations,
And kings have encounter'd with kings,
When cometh the end of all things—

Then those who have patiently waited,
And borne, unresisting, the pain
Of thy vengeance unglutted, unsated,
Shall they be rewarded again?
Then those who, enticed by thy laurels,
Or urged by thy promptings unblest,
Have striven and stricken in quarrels,
Shall they, too, find pardon and rest?
We know not, yet hope for the best.

Займствованные перья
(Предисловие о пиратстве)

Пролог

Грех плагиаторства на мне,
А переделка старых песен

Чужих вам скажет в тишине,
Что ложный стиль не интересен.

Их автор Эдгар Алан По,
Извольте это видеть сами,
Но то, что прозой рождено,
Как белый стих перед глазами.

Все эти пустяки мной собраны и изданы повторно
Ради спасения от многих улучшений, я в виду имею
Их изменения, пока они кружили по страницам Прессы,
И хочется, чтобы написанное мной распространялось
Так именно, как я задумал, если вообще печатать будут.
В защиту собственного вкуса, тем не менее, скажу,
Что в этой книге, как мне кажется, ничто не представляет
Большой какой-то ценности для публики, живого интереса,
И похвалы читателя я здесь, увы, не заслужил.

Эпилог

Теперь я уличен в бесстыдной краже,
Мой первый плагиат сумеет заманить
Вас и к другим соседним рифмам, даже
Отвлечь внимание и вытянуть всю нить.

Ах! Друг, качаешь грустно головой,
Что скажешь о моей поэзии сейчас:
Я, видимо, талант давно растратил свой,
Ведь строчки еще хуже в этот раз.

Borrow'd Plumes

[A Preface and a Piracy]

Prologue

Of borrow'd plumes I take the sin,
My extracts will apply
To some few silly songs which in
These pages scatter'd lie.

The words are Edgar Allan Poe's,
As any man may see,
But what a POE-t wrote in prose,
Shall make blank verse for me.

These trifles are collected and republished chiefly with a
view to their redemption from the many improvements to which
they have been subjected while going at random the rounds of
the Press. I am naturally anxious that what I have written

should circulate as I wrote it, if it circulate at all.
In defence of my own taste, nevertheless, it is
incumbent upon me to say that I think nothing in this volume
of much value to the public, or very creditable to myself.

Epilogue

And now that my theft stands detected,
The first of my extracts may call
To some of the rhymes here collected
Your notice, the second to all.

Ah! friend, you may shake your head sadly,
Yet this much you'll say for my verse,
I've written of old something badly,
But written anew something worse.

Лживый пастырь

(Переложение из Горация)

Когда он, лживый пастырь, на фригийском судне
Свою владычицу Елену увозил через моря,
В дремотном сне Нерей хранил влюбленных будни
От бурь, чтоб петь об их судьбе, историю творя.
Проклятие везешь ты царству предков с нею,
И много храбрых воинов сюда отправят греки,
Они вам отомстят, пустившись вновь к Нерейю,
И с браком вашим разорвут Приамов дом навеки.
Увы! А сколько пота впереди должно пролиться
С людей и лошадей, земле своей какое горе
Несешь ты, раз уже сейчас Паллады колесница
Готова – щит, доспехи, шлем надеты будут вскоре.
Напрасно думаешь, что под защитой Афродиты
Расчесываешь кудри, и на женской лире
Мотивами любви красавицу сумеешь оградить ты,
На страстном ложе мягком избежать раздора в мире,
Ударов критских копий острых сторонясь,
Аякса, что стремительно уже приблизился к тебе –
И кудри нечестивые, пусть поздно, лягут в грязь.
Ах! Ты не видишь (в вашей царственной судьбе),
Как сын Лаэрта, что достоин мудрого Пелея,
Бесстрашный за тобой сейчас идет со Стенелаем,
Отважным в битве рукопашной, всех смелее
В объезде диких лошадей, насколько знаем,
Мерионис и Тевкр с ними, помни... Диомед,
Фракийский царь, свирепей и отважнее отца,
Он в ярости тебя найдет, тебе дороги нет
Навстречу волку в скором ожидании конца,
Оленя, что почуял гибель, не заманят травы

Через долину перейти на пастбище – лети
Трусливый, бледный, ты не сыщешь славы,
Которой хвастался своей возлюбленной в пути.
Но время для тебя отсрочит гнев Ахилла,
Чтоб Трою с женщиной разрушить на корню,
В неотвратимый нужный срок другая сила,
Дарданию предаст аргосскому огню.

Pastor Cum

[Translation from Horace]

When he, that shepherd false, 'neath Phrygian sails,
Carried his hostess Helen o'er the seas,
In fitful slumber Nereus hush'd the gales,
That he might sing their future destinies.
A curse to your ancestral home you take
With her, whom Greece, with many a soldier bold
Shall seek again, in concert sworn to break
Your nuptial ties and Priam's kingdom old.
Alas! what sweat from man and horse must flow,
What devastation to the Trojan realm
You carry, even now doth Pallas show
Her wrath, preparing buckler, car, and helm.
In vain, secure in Aphrodite's care,
You comb your locks, and on the girlish lyre
Select the strains most pleasant to the fair;
In vain, on couch reclining, you desire
To shun the darts that threaten, and the thrust
Of Cretan lance, the battle's wild turmoil,
And Ajax swift to follow—in the dust
Condemned, though late, your wanton curls to soil.
Ah! see you not where (fatal to your race)
Laertes' son comes with the Pylean sage;
Fearless alike, with Teucer joins the chase
Stenelaus, skill'd the fistic strife to wage,
Nor less expert the fiery steeds to quell;
And Meriones, you must know. Behold
A warrior, than his sire more fierce and fell,
To find you rages,—Diomed the bold,
Whom like the stag that, far across the vale,
The wolf being seen, no herbage can allure,
So fly you, panting sorely, dastard pale!—
Not thus you boasted to your paramour.
Achilles' anger for a space defers
The day of wrath to Troy and Trojan dame;
Inevitable glide the allotted years,
And Dardan roofs must waste in Argive flame.

Признание

(Краткая покаянная молитва)

К отплытию шлюпка готовится в утреннем свете,
Корабль хорошо снарядили в дорогу сначала,
Прозрачное небо сияет в лучах на рассвете,
Хоть ветер порывистый плакал в мгновения эти,
И рифа гряда перед гаванью белые пятна качала,
У румпеля встал рулевой, – еще рыцарь в сюжете
С кормы через поручень свесился вниз у причала.

«Есть время, пока еще судно в покое рассветном,
Есть время, пока не натянута крепкая ванта,
Есть время, пока паруса наполняются западным ветром
До часа, когда из под киля буруны потянутся следом,
До часа, когда эти мачты за дымкой мелькнут бледновато,
На исповедь время осталось тому, кто нуждается в этом,
Тому, кто возможно, уже никогда не вернется обратно».

«Сэр пастор, вы вправе сейчас исповедовать этих людей,
И я умоляю, чтоб вы, по возможности, делали краткой беседу,
Отважных сынов океана примите душою скорей,
Вот сам капитан, пассажиры, – друзья Эглантайна, у рей
Матросы хлопочут под мачтами, радуясь ветру,
Меня же вы кипрским вином угостите из чаши своей,
Я с радостью, прошлое здесь оставляя, спокойно уеду».

«И не в чем раскаяться, сын мой, сегодня тебе?
Раскаяние, исповедь ты презираешь, считая обманом?
Прольется песок из сосуда в истекшей судьбе,
Оставил ли след ты на жизненной вечной тропе,
Успел совершить, что положено прочим мирянам?
И самой виновной душе грех отпустится на корабле,
А сердце из камня расщелину даст на пути покаянном».

«Я разве не слышу молитв нарастающий шквал,
И чувства к призывам о помощи в бедствии глухи?
Я мало давал, больше взял?
К порогу вдовы я проклятий волну направлял?
Сирот обижал или что-нибудь в этом же духе?
Я кровью невинной когда-то забрызгал подвал,
И вот подтвердить поневоле приходится слухи?»

«Шаги, отвечай, направлялись твои чистотой,
А может путями, которыми всякое зло процветало?
Врага поразил ты когда-нибудь жизнью святой?
И похоть в очах сильный дух не ослабила твой,
Житейская гордость твоим поражением не стала?
Ты сети блаженства сумел обойти стороной?
Раздор и усобицу сбросил ли ты с пьедестала?»

«Конечно же, нет! Жизнь, поскольку, я грешную вел,
Но сердцем страдал и питался надеждой,
Я дальше сумею страдать, но исчезла мечта среди волн -
Надежды ушли, и кошмарный закончился сон,
Судьбе покориться сумею безвестной,
И если волна надо мною сомкнется с обеих сторон,
То вряд ли схвачусь за веревку над бездной».

«Страдать? Благодатью, возможно, наполнится скорбь,
Поскольку еще никогда лишь одними делами
Спасаемы не были мы, – и разбойник, раскаяться чтоб,
Не как фарисей или самонадеянный сноб,
Узреет богатства любви в лике Божьем над нами -
Тогда Магдалина доспехи положит у стоп,
Подножья престола из яшмы коснувшись перстами».

«Сэр пастор, боюсь тяжелой смерти во прахе и тлене,
А в жизни теперь проявления боли и немощи нет,
Лишь чувствую тяжесть, когда преклоняю колени
(И это не речь фарисея от праведной лени),
Мой взор в небесах не находит достойный ответ,
Любимая там за меня пребывает в моление!
Я сдался, молилась напрасно она столько лет!

Сквозь грохот сражения иду, вспомнить силюсь,
Услышать под крики восторженной праздной толпы,
Как тонкие белые руки сложив, она страстно молилась,
Душою безгрешной надеялась вымолить милость
Тому, кто во мраке безрадостном сбился с тропы,
Чтоб темная эта душа к покаянию склонилась,
Ослепнув в слезах, лишь в себя обратила мольбы.

Скажи, посвященный! В заступниках много ли прока,
И просьба святого за нас направляет в пути?
Как сломанный стебель его утешение жестоко,
Пусть ветка увядшая просит сама исцеления у Бога,
Пока молодые побеги внимания ждут впереди,
Я в смысл небесный вникал, чтоб исчезла тревога,
На деле свой сумрак отчаянья тоже осилил в груди».

«Всем малым в тебе, превосходным и смелым,
Не вовсе погибшем, хоть шанс искупления мал,
Душой, вопиющей с надгробия саваном белым,
Любовью, которую дал Он, и праведным делом
(В его милосердии жизни угаснет запал),
Тебя заклинаю, о грешник, раскаяться в бренном!
И я умоляю, о спящий, момент пробуждения настал!»

«Иди ты! Обязан склониться душой чернеца я
Сейчас перед этим тщеславным глухим человеком?
Грехи и печали мои для него лишь забота пустая,
Но если я встречу того, кто с печалью себя обретая,
Страдания наши возвысил над миром при этом,
С молитвенной просьбой сольется молитва вторая,
А вопль трактирщика с мытарем душам неведом».

«Мой сын, я засохшая, слишком пожухлая ветка,
Давно мое место и службу отдали другим,
И я не спрошу, велика ли грехов твоих клетка,
Поскольку я грешен и сам, только к слову заметка -
С грехами я слабо боролся, потворствуя им,
«Прости нас теперь!» – мы с годами винимся нередко,
И каждый Отцом нашим сущим на небе храним!»

Confiteor

The shore-boat lies in the morning light,
By the good ship ready for sailing;
The skies are clear, and the dawn is bright,
Tho' the bar of the bay is fleck'd with white,
And the wind is fitfully wailing;
Near the tiller stands the prit, and the knight
Leans over the quarter-railing.

'There is time while the vessel tarries still,
There is time while her shrouds are slack,
There is time ere her sails to the west-wind fill,
Ere her tall masts vanish from town and from hill,
Ere cleaves to her keel the track;
There is time for confession to those who will,
To those who may never come back.'

'Sir priest, you can shrive these men of mine,
And, I pray you, shrive them fast,
And shrive those hardy sons of the brine,
Captain and mates of the Eglantine,
And sailors before the mast;
Then pledge me a cup of the Cyprus wine,
For I fain would bury the past.'

'And hast thou naught to repent, my son?
Dost thou scorn confession and shrift?
Ere thy sands from the glass of time shall run
Is there naught undone that thou should'st have done,
Naught done that thou should'st have left?
The guiltiest soul may from guilt be won,
And the stoniest heart may be cleft.'

'Have my ears been closed to the prayer of the poor,
Or deaf to the cry of distress?
Have I given little, and taken more?
Have I brought a curse to the widow's door?
Have I wrong'd the fatherless?
Have I steep'd my fingers in guiltless gore,
That I must perforce confess?'

'Have thy steps been guided by purity
Through the paths with wickedness rife?
Hast thou never smitten thine enemy?
Hast thou yielded naught to the lust of the eye,
And naught to the pride of life?
Hast thou pass'd all snares of pleasure by?
Hast thou shunn'd all wrath and strife?'

'Nay, certes ! a sinful life I've led,
Yet I've suffer'd, and lived in hope;
I may suffer still, but my hope has fled,—
I've nothing now to hope or to dread,
And with fate I can fairly cope;
Were the waters closing over my head,
I should scarcely catch at a rope.'

'Dost suffer? thy pain may be fraught with grace,
Since never by works alone
We are saved;—the penitent thief may trace
The wealth of love in the Saviour's face
To the Pharisee rarely shown;
And the Magdalene's arms may yet embrace
The foot of the jasper throne.'

'Sir priest, a heavier doom I dree,
For I feel no quickening pain,
But a dull dumb weight, when I bow my knee,
And (not with the words of the Pharisee)
My hard eyes heavenward strain,
Where my dead darling prayeth for me!
Now, I wot, she prayeth in vain!

'Still I hear it over the battle's din,
And over the festive cheer,—
So she pray'd with clasp'd hands, white and thin,—
The prayer of a soul absolved from sin,
For a soul that is dark and drear,
For the light of repentance bursting in,
And the flood of the blinding tear.

'Say, priest! when the saint must vainly plead,
Oh! how shall the sinner fare?
I hold your comfort a broken reed;
Let the wither'd branch for itself take heed,
While the green shoots wait your care;
I've striven, though feebly, to grasp your creed,
And I've grappled my own despair.'

'By the little within thee, good and brave,
Not wholly shattered, though shaken;
By the soul that crieth beyond the grave,
The love that He once in His mercy gave,
In His mercy since retaken,
I conjure thee, oh sinner! pardon crave!
I implore thee, oh sleeper, waken!'

'Go to! shall I lay my black soul bare
To a vain, self-righteous man?
In my sin, in my sorrow, you may not share,
And yet, could I meet with one who must bear
The load of an equal ban,
With him I might strive to blend one prayer,
The wail of the Publican.'

'My son, I too am a withered bough,
My place is to others given;
Thou hast sinn'd, thou sayest; I ask not how,
For I too have sinn'd, even as thou,
And I too have feebly striven,
And with thee I must bow, crying, 'Shrive us now!
Our Father which art in heaven !''

Кому выгодно

Порыв ураганного вздоха по терниям чертополоха,
В земле плодородной, подобно проказнику эльфу,
Трудиться не стану – уеду, помочь не умея соседу,
Я слишком безумен и просто скольжу по рельефу?
Вой бриза морского мне слышится в зарослях снова,
В нем среднее нечто сквозит между смехом и стоном,
А звуки прибороев усталых утробно разносятся в скалах,
В своем монотонном наплыве и реве по волнам,
Хотелось бы с этого мыса понять выразительность смысла,
Который присутствует в каждом аккорде, конечно,
Никто не дает мне ответа и, видимо, к лучшему это -
Чья выгода здесь? – Мир по кругу вращается вечно!

Фортуна груба и жестока, мы знали и видели много,
И кажется мне – иногда непристойного очень,

Мудрец, что умнее, наверно, шута или даже премьера,
Он зависть людей заслужил или тихую осень?
Не много, не мало, но в разной – своей философии праздной
Невольно его раздосадают выводы мудрой природы,
Страной управляющий кайзер, на троне держаться не мастер,
Стул скользкий под ним, у властителя нет синекуры,
Шуту, арлекину, буффону и в жизни вручали корону,
Он может принять с благодарностью, или же нет,
Моргнуть не успеете глазом, с друзьями проплет ее разом -
Чья выгода здесь? – Мы созреем, затянется след!

Под солнцем за долгие годы проделано много работы -
Шутом и правителем, и мудрецом, и рабом,
Все сеют, жнут с выбором строгим, а сбор урожая немногим
Доверен в снопы золотые веков на пороге любом.
Жить должен в трудах человек на земле и на море вовек,
И даже мечтатель, что ждет вдохновенно прилива,
Он вправе на время забыть про насущное дело и плыть
К своей не свершенной мечте, вырастая счастливо,
Он может взобраться на край, чтобы вниз заглянуть невзначай,
Где рыхлый уступ непогода почти расклевала,
Привязанный тросами шторма в раскатах небесного грома -
Чья выгода здесь? – Шестеренки в колесах штурвала!

Работать должны, не ржаветь, но живут и бездельники ведь,
И кушать должны, чтобы в форме поддерживать тело,
Сегодня толстеют нередко – а взвесь сухопарого предка,
Дородный солидней? – Нет, тяжесть ему надоела...
Земной утомительный круг, где на привязи люди вокруг
Набор однотипных вещей повторяют устало,
Без счета трудов и забот, но пузырь разноцветный вот-вот
Надувшийся лопнет, а многим его не хватало,
Мы ропщем, порой, но от жизни, как зубы в работе не стисни,
Получим свое и не больше – а можем о лучшем мечтать? -
Ревут эти волны в пустотах, и эхо расходится в водах -
Чья выгода здесь? – В их раскатах и есть благодать!

Cui Bono

Oh! wind that whistles o'er thorns and thistles,
Of this fruitful earth like a goblin elf;
Why should he labour to help his neighbour
Who feels too reckless to help himself?
The wail of the breeze in the bending trees
Is something between a laugh and a groan;
And the hollow roar of the surf on the shore
Is a dull, discordant monotone;
I wish I could guess what sense they express,
There's a meaning, doubtless, in every sound,

Yet no one can tell, and it may be as well—
Whom would it profit?—The world goes round!

On this earth so rough we know quite enough,
And, I sometimes fancy, a little too much;
The sage may be wiser than clown or than kaiser,
Is he more to be envied for being such?
Neither more nor less, in his idleness
The sage is doom'd to vexation sure;
The kaiser may rule, but the slippery stool,
That he calls his throne, is no sinecure;
And as for the clown, you may give him a crown,
Maybe he'll thank you, and maybe not,
And before you can wink he may spend it in drink—
To whom does it profit?—We ripe and rot!

Yet under the sun much work is done
By clown and kaiser, by serf and sage;
All sow and some reap, and few gather the heap
Of the garner'd grain of a by-gone age.
By sea or by soil man is bound to toil,
And the dreamer, waiting for time and tide,
For awhile may shirk his share of the work,
But he grows with his dream dissatisfied;
He may climb to the edge of the beetling ledge,
Where the loose crag topples and well-nigh reels
'Neath the lashing gale, but the tonic will fail—
What does it profit?—Wheels within wheels!

Aye! work we must, or with idlers rust,
And eat we must our bodies to nurse;
Some folk grow fatter—what does it matter?
I'm blest if I do—quite the reverse;
'Tis a weary round to which we are bound,
The same thing over and over again;
Much toil and trouble, and a glittering bubble,
That rises and bursts, is the best we gain;
And we murmur, and yet 'tis certain we get
What good we deserve—can we hope for more?—
They are roaring, those waves, in their echoing caves—
To whom do they profit?—Let them roar!

О тебе

Горит стекло блестящей меди,
В лучах парит морское лоно,
И сорняки-цветы при свете
Пылают золотом со склона.
За серебристо-серой гаммой,

За тенью сумрачного леса
Весь небосклон по кромке самой
Сияет, как из-под навеса,
И тишина холмов чудесна.

Мы слышим гончую в низине,
Кружит болотный ястреб рядом -
Мы не искали бедствий ныне,
На мертвеца наткнувшись взглядом,
Белесый лик в небесном свете
Уткнулся в вереск бело-красный,
И глупый пес, свидетель смерти,
Припал к нему и выл напрасно,
Поминовения гримаса.

На голове рубцы раздора -
Смерть беззаконная настигла
Жизнь опрометчивую скоро,
Опустошающая сила
Страстей, сквозь все просторы мозга,
Умчался конь, осталось тело,
Сгниют поводья и повозка -
«А мог бы жить и делать дело
В пример другим» – прошелестело.

Лучи и сумрак, как награда,
Даны с рождения до гроба -
Ты сдвинешь пятна леопарда,
Отбелишь кожу эфиопа?
Чего он мог успеть до срока
Добиться с лучшей надеждой,
Кто был из них дитя порока?
Нет жизни вовсе бесполезной,
Всем дождь и солнце поднебесной.

Кто прожил зря – для жизни новой
Свой век сотрет (велением Божьим),
Раскается (с былой основой),
Чтоб стать гуманным и хорошим,
Кто понял жизнь (стремясь к познанию),
И даже в самом диком крае
Молился дереву и камню,
Зверям и птицам, кто сверкая
В лучах восточных жил у рая?

В причинах зло... Без праздной лени
Чтоб бился пульс, всегда живите,
Под небом встаньте на колени -
Кулак разжат, а челюсть сдвиньте,

Глаза туманные закройте,
Что дерзкий блеск хранили древний,
Психолог – мудрый по природе,
Науку истинную с верой
Откроет под любой химерой.

Да! Мысль и разум были там,
Как некий дар, что примут даже
За гений, шедший по пятам -
Ломать и портить в антураже
Все то, о чем мечтать другим.
Не скажешь, лучше или хуже -
Мы, словно мудрый змей, хитрим,
Волчицы смерть в кровавой луже
Без страха ждут растерзанные души.

Ты, Браун, врач шотландский, опий
В смертельных дозах закрепи -
При нём рецепты (штампы копий) -
Подключен и Джон Смит Дж. Пи.
Он мировой судья, без прений
Я буду следствие вести,
Главой присяжных – Освальд древний,
Джонс слишком глуп и не в чести,
Чтоб нормы сыска соблюсти.

Никто не смог прожить беспечно
(Для действий – дело, смерти – смерть),
Еврей и турок, и конечно,
Мне, атеисту, не сумеет,
Но есть один вопрос, он сложен,
И в этом я не лицемерю:
Сумею в жизни или должен,
Узнает прах за тёмной дверью?
Я верю так – лишь я так верю.

Такая мелочь убивает...
Одним, товарищ, добрым делом
Уста не залепить, бывает,
В кругу по-хамски оголтелом.
Грех жизни, может быть, отпустит
Или излечит смерть. Опасно
Так утверждать. Скажи без грусти:
«Господь нас судит всяко-разно,
Жизнь высшей милости подвластна».

De Te

A burning glass of burnished brass,

The calm sea caught the noontide rays,
And sunny slopes of golden grass
And wastes of weed-flower seem to blaze.
Beyond the shining silver-greys,
Beyond the shades of denser bloom,
The sky-line girt with glowing haze
The farthest, faintest forest gloom,
And the everlasting hills that loom.

We heard the hound beneath the mound,
We scared the swamp hawk hovering nigh—
We had not sought for that we found—
He lay as dead men only lie,
With wan cheek whitening in the sky,
Through the wild heath flowers, white and red,
The dumb brute that had seen him die,
Close crouching, howl'd beside the head,
Brute burial service o'er the dead.

The brow was rife with seams of strife—
A lawless death made doubly plain
The ravage of a reckless life;
The havoc of a hurricane
Of passions through that breadth of brain,
Like headlong horses that had run
Riot, regardless of the rein—
"Madman, he might have lived and done
Better than most men," whispered one.

The beams and blots that Heaven allots
To every life with life begin.
Fool! would you change the leopard's spots,
Or blanch the Ethiopian's skin?
What more could he have hoped to win,
What better things have thought to gain,
So shapen—so conceived in sin?
No life is wholly void and vain,
Just and unjust share sun and rain.

Were new life sent, and life misspent,
Wiped out (if such to God seemed good),
Would he (being as he was) repent,
Or could he, even if he would,
Who heeded not things understood
(Though dimly) even in savage lands
By some who worship stone or wood,
Or bird or beast, or who stretch hands
Sunward on shining Eastern sands?

And crime has cause. Nay, never pause
Idly to feel a pulseless wrist;
Brace up the massive, square-shaped jaws,
Unclench the stubborn, stiff'ning fist,
And close those eyes through film and mist
That kept the old defiant glare;
And answer, wise Psychologist,
Whose science claims some little share
Of truth, what better things lay there?

Aye! thought and mind were there,—some kind
Of faculty that men mistake
For talent when their wits are blind,—
An aptitude to mar and break
What others diligently make.
This was the worst and best of him—
Wise with the cunning of the snake,
Brave with the she wolf's courage grim,
Dying hard and dumb, torn limb from limb.

And you, Brown, you're a doctor; cure
You can't, but you can kill, and he—
"WITNESS HIS MARK"—he signed last year,
And now he signs John Smith, J.P.
We'll hold our inquest NOW, we three;
I'll be your coroner for once;
I think old Oswald ought to be
Our foreman—Jones is such a dunce,—
There's more brain in the bloodhound's sconce.

No man may shirk the allotted work,
The deed to do, the death to die;
At least I think so,—neither Turk,
Nor Jew, nor infidel am I,—
And yet I wonder when I try
To solve one question, may or must,
And shall I solve it by-and-by,
Beyond the dark, beneath the dust?
I trust so, and I only trust.

Aye, what they will, such trifles kill.
Comrade, for one good deed of yours,
Your history shall not help to fill
The mouths of many brainless boors.
It may be death absolves or cures
The sin of life. 'Twere hazardous
To assert so. If the sin endures,
Say only, "God, who has judged him thus,
Be merciful to him and us."

Далила
(С картины)

Солнце зашло, раскидав по земле с небосклона
Огненный блеск в красном зареве горнего мира,
Мягкие время готовить подушки Сидона,
Сотканы сети по воле богатого Тира.
День этот трудный, заботы его и печали,
Тени прохладные, Солнца восторг, наконец,
Завершены, – опасения в сердце молчали,
Сильный мужчина и гордый могучий боец?

Как светлячки, появляясь на небе из мрака,
Цепко простор заселяет звезда за звездой,
И ветерок тихий шепот в кругу зодиака
Носит из дальних шатров Иудеи родной.
Нет, не волнуйся, – язычник, молясь небосклону,
Вещи такие в душе понимает свободно,
Может быть, слышит хвалебные песни Дагону,
Что по ночам в свежем бризе доносит природа.

Не потревожит тебя он – сегодня не сможет,
Видишь, задернуты в комнате все занавески,
Искры граната сверкают на чаше у ложа,
Жажда ушла, ароматные запахи резки,
Ярко сияет вино, как рубины Хеврона,
Царская порция в кубке чудесной огранки,
Через шелка и широкий альков благосклонно
Сладкую песню поют у порога служанки.

Если, подумай, рассерженный сильно Господь
Не замечает великих законов природы -
Разве ослабит теперь истомленную плоть,
Что за господнее дело сражалась все годы?
Силу возьмет ли обратно, которую дал,
Только за то, что ее молодому блаженству
Ты отдаешь? Нет, Божественный, цел пьедестал,
Он посмеется над тем, кто грозит совершенству.

О! Будь во благо я, или, быть может, во зло
Столь же великим, таким одаренным, как ты,
Прочь бы от рая и ада к свободе меня унесло,
Рабских поклонов и жизненной вечной тщеты.
Если ж судьба в этом мире догонит тебя,
Немощь, болезни смешаются с глиной твоей,
Не поддавайся, борись до последнего дня,
Силой своей наслаждайся, и радуйся ей.

Скрытный опасно раздвоен гадуки язык
В блестящих губах! – О, слепой сибарит!
О, этот змеиный и женственный лик!
О, прелестей с ядом обманчивый вид!
О, сила и всепобеждающий царь!
О, слава ушедшая! Стыд и позор!
О, ложь Афродиты, коварный алтарь,
А скольких огонь погубил твой с тех пор!

Шуршание платья на крепкой груди,
Ладони железные чёрными прядями скрыты!
Не только могучими мышцами ты по пути
Льва разорвал, как козленка, а волей планиды!
Ведь без добродетели доблесть двойного полета
Своей благородной задачи лишится когда-то,
Легенды оставит потомкам рука Ланселота,
Но сердце храбрее, пожалуй, в делах Галахада.

Спи крепко под сенью на чудной груди,
Рассудок, потухшие очи и уши завесивши тоже,
Не чувствуй холодных касаний к виску, не буди
Ты сердце под лязганье ножниц на ложе.
Они приближаются! – Голос тревожит как будто,
Мерцание факелов сквозь занавески из ткани...
Полночная стража? Эй, Самсон,
Филистимляне, пришли по душу твою, враги.

Delilah

[From a Picture]

The sun has gone down, spreading wide on
The sky-line one ray of red fire;
Prepare the soft cushions of Sidon,
Make ready the rich loom of Tyre.
The day, with its toil and its sorrow,
Its shade, and its sunshine, at length
Has ended; dost fear for the morrow,
Strong man, in the pride of thy strength?

Like fire-flies, heavenward clinging,
They multiply, star upon star;
And the breeze a low murmur is bringing
From the tents of my people afar.
Nay, frown not, I am but a Pagan,
Yet little for these things I care;
'Tis the hymn to our deity Dagon
That comes with the pleasant night air.

It shall not disturb thee, nor can it;

See, closed are the curtains, the lights
Gleam down on the cloven pomegranate,
Whose thirst-slaking nectar invites;
The red wine of Hebron glows brightly
In yon goblet—the draught of a king;
And through the silk awning steals lightly
The sweet song my handmaidens sing.

Dost think that thy God, in His anger,
Will trifle with nature's great laws,
And slacken those sinews in languor
That battled so well in His cause?
Will He take back that strength He has given,
Because to the pleasures of youth
Thou yieldest? Nay, Godlike, in heaven,
He laughs at such follies, forsooth.

Oh! were I, for good or for evil,
As great and as gifted as thou,
Neither God should restrain me, nor devil,
To none like a slave would I bow.
If fate must indeed overtake thee,
And feebleness come to thy clay,
Pause not till thy strength shall forsake thee,
Enjoy it the more in thy day.

Oh, fork'd-tongue of adder, by her pent
In smooth lips!—oh, Sybarite blind!
Oh, woman allied to the serpent!
Oh, beauty with venom combined!
Oh, might overcoming the mighty!
Oh, glory departing! oh, shame!
Oh, altar of false Aphrodite,
What strength is consumed in thy flame!

Strong chest, where her drapery rustles,
Strong limbs by her black tresses hid!
Not alone by the might of your muscles
Yon lion was rent like a kid!
The valour from virtue that sunders,
Is 'reft of its nobler part;
And Lancelot's arm may work wonders,
But braver is Galahad's heart.

Sleep sound on that breast fair and ample;
Dull brain, and dim eyes, and deaf ears,
Feel not the cold touch on your temple,
Heed not the faint clash of the shears.
It comes!—with the gleam of the lamps on

The curtains—that voice—does it jar
On thy soul in the night-watch? Ho! Samson,
Upon thee the Philistines are.

Сомнительные мечты

Да, снежный декабрь в сугробах,
А август отмечен снопами,
В сердечных надеждах особых
Припомнишь забытое нами...
Цветение майской природы,
Октябрьский холод приемля,
Мечтаешь ты все эти годы,
Как в старое доброе время?

Нет в мире печальней разлуки,
Чем с детским взлелеянным видом -
Цветок воплотился в гадюке,
Плод аспидом стал ядовитым,
Когда над весной потемневшей
Закат отгорел у предгорий,
И роз аромат уж не прежний,
И музыка речек минорней.

Когда от песчаного вздоха
Спасти кукуруза не в силах,
Когда фиги чертополоха
Растут с виноградом на иглах,
Весною отжившая ветка
Опять зеленеет на свете -
Такие мечтания предка
Несут утешение смерти.

Я почву сменю, время года,
А небо – горит или студит, -
С землей, где сезон и погода,
Меняться в беседах лишь будет,
Магнит повернется на север,
Река пробирается к морю,
Вперед меня гонишь, как ветер,
Я с радостью с этим поспорю!

Весенние помню гирлянды,
И золота блеск на зелёном,
Закатов пурпурные гряды,
Цвет белый и красный по склонам,
Где мы распрощались, мечтая,
Тогда – ты и я – и волшебю
Трава отражала густая

Большое тяжелое небо.

И так говорили: «Хотя мы
Мужали в нелегкие годы,
В поту и вершины, и ямы,
С соленой слезою невзгоды,
Слепые, сбивались с дороги,
Но путь был наш правильным самым,
Ведь к нам небеса не жестоки,
Они сострадательны к слабым.

Мечту с молодой породой
Лелеют для миссии важной?
С такой же душою голодной,
С ее ненасытной жаждой
Тоскуем, как в старые годы,
Порой, опускаются руки,
Друзья, сослуживцы – работы
Нам хватит за морем в разлуке.

Мечты молодые померкли!
Давнишние. – Юные! – В прошлом,
Другие заступят навек ли?
В плохом амплуа и хорошем?
Потери и жизненный труд
Мечты о гордыне и неге,
Пусть лопнут они и уйдут,
Как мыльный пузырь в человеке.

Тщета! Кто трудиться привык
Весь день от зари до заката,
Иным не в пример, словно бык,
Их строгость любому понятна,
И чем удостоен Ахилл?
Покой получили Алкиды?
Труд тщетен! «Вид лилии мил,
Не ткут, не прядут – а завидны».

Не хлопоты смертных, не сон
Облегчат земные страдания,
Как было в начале времен,
Так будет в конце мироздания.
В негодных ткачах без числа
Умножатся признаки порчи,
Пока доброта не проступит из зла,
Как день возникает из ночи.

Мечты бесполезны! Хоть раньше
Отцам и лелеяли души -

Дивились и гибли за наше
Житье, только чем оно лучше?
Сразимся за ценности эти,
Погибшие в схватке неравной,
«Вперед, проигравшие дети!»
С былой не зажившею раной.

А будет заботиться небо -
Дорогу нам выпрямить или
Решимость крепить? Оно слепо?
Мы сами его прогневили,
Когда Предводитель Хацора
Разведывал звездные трассы,
Лучи не сулили раздора,
Любовью наполнились массы?

Чем станут мечты в человеке,
Когда небеса неприступны?
Быть сильному сильным навеки,
Для мудрого мудрые струны,
А если осмеяна сила,
И мудрость в смятении полном,
Чтоб тяжесть тревог отступила -
Уснуть, пробудиться с поклоном?

Нет! Мне не ответить. Быть может
Сам труд наш – есть сон настоящий,
И дело, которое гложет,
Продукт напряженности нашей.
Тогда я проснулся бы сразу,
Держась установленных правил,
Мечту же, не видную глазу,
В пустых сновидениях оставил.

Дела величайшие мелки,
А путь на земле – промежуток,
Предел есть у жизненной стрелки,
И век человеческий жуток,
Где слава лишь дымка и пепел,
Где дух – одинокая искра,
Мерцает, пока еще светел,
И в ночь удаляется быстро.

Мы помним – в жестоком финале
Друзья опускались в могилу,
Как листья осенние пали,
Теряя последнюю силу,
Какие мечты под плитою
Баюкает саван печальный?

Мы грезим лишь ямою тою,
В ушах только звон погребальный.

Не знаем мы, спят они или
От снов не пробудятся прежних,
Не счесть эти звездные мили,
Пески на морских побережьях.
Суровые смертные знаки
Души остановят потоки,
«И солнце погаснет во мраке
С кровавой луной на востоке».

Не знаем мы! – Рабство людское -
«Смерть есть за грехи наши плата» -
Так мысли о вечном покое
С грехом появились для стада.
Кто тяжким трудом заклеямен,
За грех возмещает страданья,
Так было в начале времен,
Так будет в конце мироздания.

Есть жизнь в почерневшем угле,
Раз искра еще не погасла,
Мечты воскресают во мне,
Как контуры лишнего пазла -
Забыться хочу в этом сонном
Чуть тлеющем мире простом -
«Коль всё уже было в зелёном,
что будет с углями потом?»

Doubtful Dreams

Aye, snows are rife in December,
And sheaves are in August yet,
And you would have me remember,
And I would rather forget;
In the bloom of the May-day weather,
In the blight of October chill,
We were dreamers of old together,—
As of old, are you dreaming still?

For nothing on earth is sadder
Than the dream that cheated the grasp,
The flower that turned to the adder,
The fruit that changed to the asp;
When the day-spring in darkness closes,
As the sunset fades from the hills,
With the fragrance of perish'd roses,
With the music of parch'd-up rills.

When the sands on the sea-shore nourish
Red clover and yellow corn;
When figs on the thistle flourish,
And grapes grow thick on the thorn;
When the dead branch, blighted and blasted,
Puts forth green leaves in the spring,
Then the dream that life has outlasted
Dead comfort to life may bring.

I have changed the soil and the season,
But whether skies freeze or flame,
The soil they flame on or freeze on
Is changed in little save name;
The loadstone points to the nor'ward,
The river runs to the sea;
And you would have me look forward,
And backward I fain would flee.

I remember the bright spring garlands,
The gold that spangled the green,
And the purple on fairy far lands,
And the white and the red bloom, seen
From the spot where we last lay dreaming
Together—yourself and I—
The soft grass beneath us gleaming,
Above us the great grave sky.

And we spoke thus: "Though we have trodden
Rough paths in our boyish years;
And some with our sweat are sodden,
And some are salt with our tears;
Though we stumble still, walking blindly,
Our paths shall be made all straight;
We are weak, but the heavens are kindly,
The skies are compassionate."

Is the clime of the old land younger,
Where the young dreams longer are nursed?
With the old insatiable hunger,
With the old unquenchable thirst,
Are you longing, as in the old years
We have longed so often in vain;
Fellow-toilers still, fellow-soldiers,
Though the seas have sundered us twain?

But the young dreams surely have faded!
Young dreams!—old dreams of young days—
Shall the new dream vex us as they did?

Or as things worth censure or praise?
Real toil is ours, real trouble,
Dim dreams of pleasure and pride;
Let the dreams disperse like a bubble,
So the toil like a dream subside.

Vain toil! men better and braver
Rose early and rested late,
Whose burdens than ours were graver,
And sterner than ours their hate.
What fair reward had Achilles?
What rest could Alcides win?
Vain toil!"Consider the lilies,
They toil not neither do spin."

Nor for mortal toiling nor spinning
Will the matters of mortals mend;
As it was so in the beginning,
It shall be so in the end.
The web that the weavers weave ill
Shall not be woven aright
Till the good is brought forth from evil,
As day is brought forth from night.

Vain dreams! for our fathers cherish'd
High hopes in the days that were;
And these men wonder'd and perish'd,
Nor better than these we fare;
And our due at last is their due,
They fought against odds and fell;
"En avant, les enfants perdus!"
We fight against odds as well.

The skies! Will the great skies care for
Our footsteps, straighten our path,
Or strengthen our weakness? Wherefore?
We have rather incurr'd their wrath;
When against the Captain of Hazor
The stars in their courses fought,
Did the skies shed merciful rays, or
With love was the sunshine fraught?

Can they favour man? Can they wrong man?
The unapproachable skies?
Though these gave strength to the strong man,
And wisdom gave to the wise;
When strength is turn'd to derision,
And wisdom brought to dismay,
Shall we wake from a troubled vision,

Or rest from a toilsome day?

Nay! I cannot tell. Peradventure
Our very toil is a dream,
And the works that we praise or censure,
It may be, they only seem.
If so, I would fain awaken,
Or sleep more soundly than so,
Or by dreamless sleep overtaken,
The dream I would fain forego.

For the great things of earth are small things,
The longest life is a span,
And there is an end to all things,
A season to every man,
Whose glory is dust and ashes,
Whose spirit is but a spark,
That out from the darkness flashes,
And flickers out in the dark.

We remember the pangs that wrung us
When some went down to the pit,
Who faded as leaves among us,
Who flitted as shadows flit;
What visions under the stone lie?
What dreams in the shroud sleep dwell?
For we saw the earth pit only,
And we heard only the knell.

We know not whether they slumber
Who waken on earth no more,
As the stars of the heights in number,
As sands on the deep sea-shore.
Shall stiffness bind them, and starkness
Enthral them, by field and flood,
Till "the sun shall be turn'd to darkness,
And the moon shall be turn'd to blood."

We know not!—worse may enthrall men—
"The wages of sin are death";
And so death passed upon all men,
For sin was born with man's breath.
Then the labourer spent with sinning,
His hire with his life shall spend;
For it was so in the beginning,
And shall be so in the end.

There is life in the blacken'd ember
While a spark is smouldering yet;

In a dream e'en now I remember
That dream I had lief forget—
I had lief forget, I had e'en lief
That dream with THIS doubt should die—
"IF WE DID THESE THINGS IN THE GREEN LEAF,
WHAT SHALL BE DONE IN THE DRY?"

Фауконшаве
(Баллада)

Чтоб чистой воды из источника в дом принести,
Служанка отправилась Маргарет юная как-то
От западных стен до ручья – расстояние пути
Полетом стрелы можно смерить туда и обратно,
В кустах под стеной, где камыш начинает расти,
Мертвец изнуренный и бледный лежал у фасада.

Румяная Мэйбл, ее госпожа, утром встала с постели
И шла из покоев под сводами замка туда,
Где в каменных залах у западной башни темнели
Ступени крыльца, со служанкой столкнулась одна:
«Да что с тобой, Маргарет, в самом-то деле?
Кувшин уронила?» – спросила она.

«Скажи, что увидела ты у ручья -
Прекрасную нимфу, а может быть, духа воды -
Спешишь с диким взором пустым, каблуками стуча,
И щеки твои от какой побледнели беды?»
«Не духа, не нимфу, – воскликнула та сгоряча, -
Но тело убитого рыцаря там, где следы».

Тогда леди Мэйбл немедленно вызвала в залу
К себе Хью де Вера, достойного гостя и друга
Из тех, что с утра задержались и мало-помалу
Домой собрались, но назад их вернула прислуга,
Хозяйка ждала его трепетно к каждому балу,
Давно уж помолвленных, их тяготила разлука.

«Я маленькой Маргарет верю, сэр Хью, и мертвец
Лежит у источника в западной части стены, -
Едва ли узнаем, что девушка лжет, и вконец
Расстроена тем, что рассказы служанки верны».
И рыцарь ответил: «Доверие наших сердец
Теперь укрепим без сомнений и чувства вины».

Тропой каменистой шли первыми рыцарь и леди,
За ними то время их гости и смелые слуги спешили,
Как пламя в лесу, посетившие замок соседи -
Такое известие рой растревожило, или

Пожаром лесным расходилась молва на рассвете -
Мертвец там лежал, речи Маргарет правдою были.

Как дух уходил, отлетала душа, не сумели
Увидеть пришельцы – следов никаких не открылось:
И лик безмятежный светился, как в тихой постели,
Не ужас в нем был, а небесного ангела милость,
Лишь руки в смертельном порыве сжимались на теле,
И дерн каблуками затоптан в болотную сырость.

Сэр Хью преклонил перед трупом колени в траве
И молвил: «Я знаю прекрасно черты незнакомца,
Однажды уже мы столкнулись, в его мастерстве
Нельзя усомниться, он стойко умеет бороться -
Хотелось, чтоб с ним не одна была схватка, а две,
А вижу лежащим в лучах восходящего солнца»

Затем ликом вниз развернул от себя мертвеца,
И слова при этом никто не промолвил, когда
Расшитый камзол разорвал он, не видя лица,
И резко затем кружева оборвал без труда,
Напрягся слегка и достал из спины пришлеца
Клинок от кинжала, вошедший без боя туда.

Опять развернул бездыханное тело лицом,
Сказал, багровея и в рост выпрямляясь над ним:
«С печатью пусть Каина этот убийца и злом,
Свой лоб заклеив, будет жить сожаленьем одним,
Противник его не повержен в бою подлецом,
В бою этот воин всегда был судьбою храним».

Сурово он эти слова произнес с торжеством,
На слуг и гостей своей дамы затем поглядел,
Но не было эха в ответ его речи ни в ком,
Все молча стояли в преддверии будничных дел,
Лишь голос холодный и ясный узнали кругом -
«Аминь!» леди Мэйбл немую толпу облетел.

И взор его встретился с взглядом ее – и на миг
Застыли фигуры по разные стороны тела,
Но кровь прилиwała к вискам, озарив ее лик
И корни окрасив волос, на щеках заалела,
Потом побледнела она, только пламенный блик
Один на прекрасном челе пробивался несмело.

Четыре йомена приподняли тело с земли
По знаку достойного гостя и сэра,
И к западной башне с почтением его отнесли,
Где рыцарский ждал экипаж Хью де Вера,

Без траурных звуков и дружеской жалости шли,
Гнетущая между людей создалась атмосфера.

Ни танцев, ни пира в такую тревожную ночь
Они не устроили в залах пустых Факеншо,
Косились мужчины с сомнением, мимо и прочь
Летели их взоры, ведь тайное дело уже решено,
А доблестный рыцарь как в трансе, и нечем помочь,
Ничто от раздумий его отвлекать не должно.

...

Холодная тёмная ночь, собирается ветра порыв
На башне высокой в гранитных зубцах застонать,
Ворваться стремительно, внешнюю стену накрыв -
Удар катапульты по гребню, где прячется рать,
Стеклянные окна стихии не выдержат взрыв,
Они упадут, их уже невозможно собрать.

Прерывистый свет, мрачный рыцарь предался мечтам,
Каминный огонь освещает вместительный зал,
Покойник на верхней террасе, и молится женщина там,
А будет ли польза – Всевышний еще не сказал?
Молитвы – восторг и покой благодетельных дам,
В них есть и для нас утешений желанный финал.

Разъехались люди, сэр Хью лишь остался в гостях,
Сидел, наблюдая, как трепетно отблеск ночной
Мерцал в очаге и светился на бледных камнях,
На гладких дубовых панелях играл над стеной,
Невидящий взор его смутно блуждал на углях,
И Маргарет вдруг он услышал слова за спиной:

«Сэр Хью, в эту мрачную полночь я спать не могу
В постели своей, ради истины я поднялась,
И если в истории этой теперь лишь забуду строку,
То будет с реальностью также оборвана связь,
Ведь кровь того рыцаря с севера, я не солгу,
Она на руке моей леди, в ее волосах запеклась».

«О! Дикие ветры неистово воют и мчатся вперед,
Но бредни твои еще более дикими кажутся мне -
Подобное грязное зло точно в голову ей не придет -
Тебя же, дитя, не виню, ты увидела это во сне,
От многих сомнительных мыслей и отдых не тот!»
Он мягко сказал и, нахмурившись, замер в окне.

«Пусть злобные вихри кружат и кидаются с криком,
Их гнев не тревожит меня, я обязана верить графине

И дочери знатного лорда в почтение великом,
Её не искала секретов я раньше и ныне,
Мой грубый крестьянин-отец не сподобился ликом,
Но всё же, взгляните в мои доказательства вы без гордыни.

Так близко сломался холодный клинок к рукояти -
Вы помните знак свой? – Ведь лезвие в теле мужчины
Знакомо кинжалу, что смертного замысла ради
Жизнь пролил его возле западной тёмной лощины?
К тому же! Вот почерк её на листке из тетради,
Который откроет губительной страсти причины».

Письмо прочитал он из долга и рыцарской чести,
О, так хорошо помня эти прекрасные знаки!
Он весь помертвел, размышляя сейчас о невесте,
И пепельно-белым окрасился лик в полумраке,
Потом разорвал эти тайные строки на месте
И бросил в огонь рукописные клочья бумаги.

И тихо промолвил: «Тенистые сумерки пали
Над рощей, где гуще сомкнулась ольха по низинам,
Она пригласила его, чтобы встречи их вечностью стали -
Теперь я могу содрогнуться в порыве зверином -
Однако! Изящною белою ручкою из-под вуали
Вонзила клинок в том ударе жестоком и сильном!»

...

В западной башне в полночное позднее время
Одна с мертвецом леди Мэйбл в молитве, у тела
Она преклоняет колени, прохладе болотной не внемля,
Что в эти минуты стремительно в залы влетела,
Хотя через стекла разбитые ветер, тревожа деревья,
До чёрных волос озорно долетая, свистел оголтело.

В двери открытые и по ступеням гранитным,
Где величавого рыцаря контур при свете,
Лампы струится мерцание низко по плитам,
Мрачны достойные сэра черты в силуэте -
Вот Хью де Вер к ней подходит с волнением скрытым,
Прямо стоит перед ним неподвижная леди.

«Малое это, – сказал он, – Смятение души, но страдая
Из-за вины, что лежит на убийце полночном,
Я между вами остался навек у лощинного края,
Знать не хочу о свидании тайном порочном,
Думал чиста ты, прекрасная дева такая,
Завтра за море отъеду – но без сожаления, впрочем.

Он умерщвлен! Мне не нужен пространный ответ,
Здесь я затем, чтобы вспомнить о клятве своей
Верности – я возвращаю тебе, моя леди, обет,
Клятву мою ты верни до скончания дней,
Прошрое мы похороним для будущих лет,
Так будет лучше для нас и честней.

Всё же спрошу, а смогла бы ты, Мэйбл, сейчас,
Руку свою возложив к сердцу этого трупа,
И призывая Создателя – только для нас
Смело сказать, что мое подозрение глупо?
Я не прошу доказательств, но даже отказ
Только – и ты неподсудна в душе однолюба».

О! Резкий прошел по щеке леди Мэйбл порыв
Холодного ветра сурового в буре и шторме,
Локоны чёрные, словно воронье крыло, воспарив,
Скользнули меж пальцами в сумрачном доме,
Пальцы из кости слоновой, как рифы в прилив,
Блестящий поток разделили как будто в истоме.

Спокойно и твердо, высокой отваги полна,
С щеками горящими, словно румянец рассвета,
И взором бесстрашным ему отвечала она:
«Ты замок покинь до зари, не дождавшись ответа,
Ведь я не признаюсь, и не отрекись, но должна
Презреньем тебе отплатить за презрение это».

С поклоном учтивым пришлось Хью де Веру уйти,
Потом путешествовал он по морям и по странам -
Не знаю дальнейшей судьбы того рыцаря в долгом пути
И дамы прекрасной его, не запятнанной чьим-то обманом,
История давняя эта в моей сохранилась груди
От тех, кто рассказывал просто о случае странном.

Fauconshawe

[A Ballad]

To fetch clear water out of the spring
The little maid Margaret ran;
From the stream to the castle's western wing
It was but a bowshot span;
On the sedgy brink where the osiers cling
Lay a dead man, pallid and wan.

The lady Mabel rose from her bed,
And walked in the castle hall,
Where the porch through the western turret led
She met with her handmaid small.

"What aileth thee, Margaret?" the lady said,
"Hast let thy pitcher fall?"

"Say, what hast thou seen by the streamlet side—
A nymph or a water sprite—
That thou comest with eyes so wild and wide,
And with cheeks so ghostly white?"
"Nor nymph nor sprite," the maiden cried,
"But the corpse of a slaughtered knight."

The lady Mabel summon'd straight
To her presence Sir Hugh de Vere,
Of the guests who tarried within the gate
Of Fauconshawe most dear
Was he to that lady; betrothed in state
They had been since many a year.

"Little Margaret sayeth a dead man lies
By the western spring, Sir Hugh;
I can scarce believe that the maiden lies—
Yet scarce can believe her true."
And the knight replies, "Till we test her eyes
Let her words gain credence due."

Down the rocky path knight and lady led,
While guests and retainers bold
Followed in haste, for like wildfire spread
The news by the maiden told.
They found 'twas even as she had said—
The corpse had some while been cold.

How the spirit had pass'd in the moments last
There was little trace to reveal:
On the still calm face lay no imprint ghast,
Save the angel's solemn seal,
Yet the hands were clench'd in a death-grip fast,
And the sods stamp'd down by the heel.

Sir Hugh by the side of the dead man knelt,
Said, "Full well these features I know,
We have faced each other where blows were dealt,
And he was a stalwart foe;
I had rather have met him hilt to hilt
Than have found him lying low."

He turn'd the body up on its face,
And never a word was spoken,
While he ripp'd the doublet, and tore the lace,
And tugg'd—by the self-same token,—

And strain'd, till he wrench'd it out of its place,
The dagger-blade that was broken.

Then he turned the body over again,
And said, while he rose upright,
"May the brand of Cain, with its withering stain,
On the murderer's forehead light,
For he never was slain on the open plain,
Nor yet in the open fight."

Solemn and stern were the words he spoke,
And he look'd at his lady's men,
But his speech no answering echoes woke,
All were silent there and then,
Till a clear, cold voice the silence broke:—
Lady Mabel cried, "Amen."

His glance met hers, the twain stood hush'd,
With the dead between them there;
But the blood to her snowy temples rush'd
Till it tinged the roots of her hair,
Then paled, but a thin red streak still flush'd
In the midst of her forehead fair.

Four yeomen raised the corpse from the ground,
At a sign from Sir Hugh de Vere;
It was borne to the western turret round,
And laid on a knightly bier,
With never a sob nor a mourning sound,—
No friend to the dead was near.

Yet that night was neither revel nor dance
In the halls of Fauconshawe;
Men looked askance with a doubtful glance
At Sir Hugh, for they stood in awe
Of his prowess, but he, like one in a trance,
Regarded naught that he saw.

...

Night black and chill, wind gathering still,
With its wail in the turret tall,
And its headlong blast like a catapult cast
On the crest of the outer wall,
And its hail and rain on the crashing pane,
Till the glassy splinters fall.

A moody knight by the fitful light
Of the great hall fire below;

A corpse upstairs, and a woman at prayers,
Will they profit her, aye or no?
By'r lady fain, an' she comfort gain,
There is comfort for us also.

The guests were gone, save Sir Hugh alone,
And he watched the gleams that broke
On the pale hearth-stone, and flickered and shone
On the panels of polish'd oak;
He was 'ware of no presence except his own
Till the voice of young Margaret spoke:

"I've risen, Sir Hugh, at the mirk midnight,
I cannot sleep in my bed,
Now, unless my tale can be told aright,
I wot it were best unsaid;
It lies, the blood of yon northern knight,
On my lady's hand and head."

"Oh! the wild wind raves and rushes along,
But thy ravings seem more wild—
She never could do so foul a wrong—
Yet I blame thee not, my child,
For the fever'd dreams on thy rest that throng!"
He frown'd though his speech was mild.

"Let storm winds eddy, and scream, and hurl
Their wrath, they disturb me naught;
The daughter she of a high-born earl,
No secret of hers I've sought;
I am but the child of a peasant churl,
Yet look to the proofs I've brought;

"This dagger snapp'd so close to the hilt—
Dost remember thy token well?
Will it match with the broken blade that spilt
His life in the western dell?
Nay! read her handwriting an' thou wilt,
From her paramour's breast it fell."

The knight in silence the letter read,
Oh! the characters well he knew!
And his face might have match'd the face of the dead,
So ashen white was its hue!
Then he tore the parchment shred by shred,
And the strips in the flames he threw.

And he muttered, "Densely those shadows fall
In the copse where the alders thicken;

There she bade him come to her, once for all—
Now, I well may shudder and sicken;—
Gramercy! that hand so white and small,
How strongly it must have stricken."

...

At midnight hour, in the western tower,
Alone with the dead man there,
Lady Mabel kneels, nor heeds nor feels
The shock of the rushing air,
Though the gusts that pass through the riven glass
Have scattered her raven hair.

Across the floor, through the opening door,
Where standeth a stately knight,
The lamplight streams, and flickers, and gleams,
On his features stern and white—
'Tis Sir Hugh de Vere, and he cometh more near,
And the lady standeth upright.

"'Tis little," he said, "that I know or care
Of the guilt (if guilt there be)
That lies 'twixt thee and yon dead man there,
Nor matters it now to me;
I thought thee pure, thou art only fair,
And to-morrow I cross the sea.

"He perish'd! I ask not why or how?
I come to recall my troth;
Take back, my lady, thy broken vow,
Give back my allegiance oath;
Let the past be buried between us now
For ever—'tis best for both.

"Yet, Mabel, I could ask, dost thou dare
Lay hand on that corpse's heart,
And call on thy Maker, and boldly swear,
That thou hadst in his death no part?
I ask not, while threescore proofs I share
With one doubt—uncondemn'd thou art."

Oh! cold and bleak upon Mabel's cheek
Came the blast of the storm-wind keen,
And her tresses black, as the glossy back
Of the raven, glanced between
Her fingers slight, like the ivory white,
As she parted their sable sheen.

Yet with steady lip, and with fearless eye,
And with cheek like the flush of dawn,
Unflinchingly she spoke in reply—
"Go hence with the break of morn,
I will neither confess, nor yet deny,
I will return thee scorn for scorn."

The knight bow'd low as he turn'd to go;
He travell'd by land and sea,
But naught of his future fate I know,
And naught of his fair ladye;
My story is told as, long ago,
My story was told to me.

От молнии и бури

Весенний ветер пролетел по лесу в листьях тихим эхом,
Прекрасный кедр головой качал, и гордо дуб стоял твердыней,
Весенний ветер пролетел по крышам, окнам и застрехам,
И тихо пошептал в сердцах людских – за далью синей
Они запели: «Радость душу освятила,
В ней красоты и славы вдоволь было,
В пути к мечте нас не страшат судьбы удары -
Стоим, как рать дубов, как наших верных кедров сила,
Как гордый лес, что смело встретит зимы и пожары».

Но шторм обрушился на лес, чума ворвалась в город,
И люди пали от чумы, и ряд деревьев бурей свален,
Ужасно бледен лик, смех обреченностью расколот,
А песни их, как вопль дикий, безутешный у развалин,
Кричат они: «Господь! Грешили мы, грешили,
Разорены вконец, и бедные теперь бредем к могиле,
Смешною оказалась сила, гордость наша – прах,
Разбиты молниями кедры, и дубы разбросаны на мили,
Нас гнев Твой праведный ведет с молитвой на устах».

From Lightning and Tempest

The spring-wind pass'd through the forest, and whispered low in the leaves,
And the cedar toss'd her head, and the oak stood firm in his pride;
The spring-wind pass'd through the town, through the housetops, casements, and eaves,
And whisper'd low in the hearts of the men, and the men replied,
Singing—'Let us rejoice in the light
Of our glory, and beauty, and might;
Let us follow our own devices, and foster our own desires.
As firm as our oaks in our pride, as our cedars fair in our sight,
We stand like the trees of the forest that brave the frosts and the fires.'

The storm went forth to the forest, the plague went forth to the town,

And the men fell down to the plague, as the trees fell down to the gale;
And their bloom was a ghastly pallor, and their smile was a ghastly frown,
And the song of their hearts was changed to a wild, disconsolate wail,
Crying—'God ! we have sinn'd, we have sinn'd,
We are bruised, we are shorn, we are thinn'd,
Our strength is turn'd to derision, our pride laid low in the dust,
Our cedars are cleft by Thy lightnings, our oaks are strew'd by Thy wind,
And we fall on our faces seeking Thine aid, though Thy wrath is just.'

После крушения

«Идите на улицу, парни!» – «Что требует ночью наш босс от уставших?
Он словно рехнулся, еще два часа можно спать, я клянусь, до рассвета,
Затмение лунное, и на дворе нет мерцания факелов наших».
«Отдай Болингброка, возьми молодую кобылу у Джека за это,
Взгляни повнимательней, судно большое застряло на рифе,
Там люди еще на борту, но других уже к молу на берег прибило.
Скачите быстрее с новостями – зовите на помощь, в заливе
Крушение судна, скажите, мы вышли участвовать все, сколько было.
Ближайшие к нам перевалы ты, Алек, изъездил когда-то,
Сумей одолеть «Сахарную голову», брод опасен там, но пересечь
Ты сможешь его, не щади лошадей, мы с отрядом обратно
Вас ждем, ведь корабль затонет при ветре, в нем сильная течь.
Уехал в загон старый Петер готовить коней к переходу,
Как можно быстрее пригнать клячу рыжую с чёрным на двор,
Здесь жизни и смерти вопрос, так что, парни, пробейтесь к народу».
Во тьме, не одевшись еще, на бегу мы вели разговор.

Взнуздали коней, оседлали и мигом в дорогу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.